

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ЗАПРЕЩЕНИЯ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

© АВТОР, 2018
УДК 341.678/623.459

Н.И. Шило

Федеральное государственное бюджетное учреждение «27 Научный центр» Министерства обороны Российской Федерации, 105005, Российская Федерация, г. Москва, Бригадирский переулок, д. 13

Поступила 03.03.2017 г. Принята к публикации 07.03.2018 г.

Попытки запрещения использования отравляющих веществ (ОВ) в качестве средства ведения войны предпринимались со второй половины XIX в., когда закладывался фундамент современных норм международного права. В начале XX в. на международном уровне было принято несколько правовых документов – деклараций, протоколов и конвенций, запрещающих использование на войне ядов, отравленного оружия, ядовитых и удушливых газов и средств их применения. Но все эти документы, включая Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., а также Женевский протокол 1925 г., оказались неработоспособными в качестве инструмента сдерживания. Они не смогли предотвратить ни массированного использования химического оружия в Первую мировую войну, ни его дальнейшего совершенствования, развития и применения. Эти документы не носили всеобъемлющего и безусловного характера. Они никак не решали проблему технологий двойного назначения и не снимали озабоченности стран, обладавших химическим оружием, относительно собственной безопасности. Не предлагалось механизмов мониторинга, верификации и контроля. Не было выработано эффективных способов пресечения уже зафиксированных нарушений и не обеспечена неотвратимость наказания. Вместо того, чтобы способствовать запрещению химического оружия, эти документы объективно содействовали его легализации и дальнейшей гонке вооружений. Только наличие мощных химических arsenалов у стран – основных участников Второй мировой войны, предотвратило возвращение ОВ на поле боя в гораздо более масштабном варианте. В настоящей работе рассмотрены первые попытки запрещения химического оружия путем международных соглашений. Показаны обстоятельства их разработки и обсуждения во взаимосвязи с другими проблемами в области безопасности, а также их дальнейшего принятия или срыва. Представлены позиции сторон на переговорах по запрещению химического оружия и их изменения во времени. Предметом отдельного рассмотрения стал вопрос об отношении к химическому оружию и об использовании его в качестве средства давления и пропаганды.

Ключевые слова: Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг.; Женевский протокол 1925 г.; законы и обычаи войны; конвенция; международное право; отравляющие вещества (ОВ); Первая мировая война; уничтожение; химическое оружие.

Библиографическое описание: Шило Н.И. Первые попытки запрещения химического оружия // Вестник войск РХБ защиты. 2018. Т. 2. № 1. С. 48–69.

«Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении» (Конвенция о запрещении химического оружия, КХО) считается одним из успешных примеров ограничения вооружений путем международных договоренностей. Большинство стран, в прошлом обладавших запасами химического оружия, от него избавились или избавляются. В соответствии с положениями КХО, каждое государство-

участник обязуется не разрабатывать, не производить, не применять химическое оружие и не проводить никаких военных приготовлений к его применению. Имеющееся оружие подлежит полному уничтожению. Вместе с тем государства-участники имеют право разрабатывать, производить и использовать токсичные химикаты и их прекурсоры в специально оговоренных, но не запрещаемых КХО гражданских целях. Таким образом, работы по синтезу и оценке новых ток-

сичных химикатов продолжают проводиться. При этом в силу специфики этих исследований зачастую невозможно сделать однозначный вывод о том, проводятся ли они в разрешенных или запрещенных целях. Поэтому нельзя полностью исключить возможности скрытой разработки в тех или иных странах химического оружия. Кроме того, в условиях действия КХО возрос интерес к веществам, временно выводящим из строя. В настоящее время в ряде стран активно ведутся исследования в области инкапсулянтов, не подпадающих под действие КХО. И наконец, зафиксированное в КХО право на защиту от химического оружия исходит из предположения, что в будущих вооруженных конфликтах угроза его применения в определенной степени сохраняется. Таким образом, несмотря на вступление в 1997 г. КХО в действие, неопределенность в развитии химического оружия полностью не устранена. В последние годы угроза его применения либо государствами-участниками КХО, либо негосударственными акторами, в том числе террористическими организациями, вновь привлекла к себе пристальное внимание в связи с событиями на Ближнем Востоке – в Сирии и Ираке¹. Все вышеперечисленное ставит на повестку дня необходимость изучения опыта прошлых, оказавшихся в итоге неудачными, попыток ограничения и запрещения химического оружия путем международных договоров и конвенций, а также выявления причин и юридических лазеек, сделавших эти международно-правовые документы неработоспособными.

Цель работы – рассмотреть первые попытки запрещения химического оружия путем международных соглашений и вскрыть причины их неудач.

В работе использовались опубликованные документы конца XIX – начала XX вв., исследования современников и более поздние специальные работы, в основном обнаруженные за рубежом.

Первые попытки ограничить применение на войне отравляющих веществ

Первой известной попыткой ограничения применения на войне отравляющих веществ

(ОВ) стало двустороннее франко-германское соглашение, заключенное в 1675 г. в Страсбурге. В ходе франко-голландской войны (1672–1678) при осаде Гронингена² войска германского прелата, князя-епископа Мюнстерского Кристофа Бернарда фон Галена (Christoph Bernhard von Galen, 1606–1678) использовали артиллерийские снаряды, начиненные, помимо пороха, порошком, приготовленным из высушенных ягод белладонны, который при сгорании при взрыве образовывал токсичный аэрозоль. Через три года, 27 августа 1675 г., Франция и Священная Римская империя германской нации заключили соглашение, включившее в себя запрещение обеим договаривавшимся сторонам использовать «вероломные и отвратительные» устройства и отравленные пули [1–4]. Статья 57 Страсбургского соглашения также предусматривала суровое наказание солдатам, использовавшим отравленные пули. Соглашение действовало до конца войны [5].

Во время Гражданской войны в США (1861–1865) по поручению президента Авраама Линкольна (Abraham Lincoln, 1809–1865) 24 апреля 1863 г. по армии был издан приказ № 100 «Инструкция полевым войскам Соединенных Штатов», подготовленный известным американским юристом германского происхождения Фрэнсисом Либером (Francis Lieber, 1798–1872). Эта инструкция, ныне известная как «Кодекс Либера», формально будучи внутренним документом, предназначавшимся для применения в условиях гражданской войны между Севером и Югом, тем не менее стимулировала процесс последующей кодификации законов и обычаев войны на международном уровне. «Кодекс Либера» содержал подробные правила, относившиеся ко всем аспектам сухопутной войны – начиная от способов ведения боевых действий как таковых и обращения с гражданским населением, до отношения к особым категориям лиц – военнопленным, раненым, партизанам и т.д. [6].

Инструкция содержала также запрещение использования на войне ядов.

«Ст. 16. Военная необходимость не приемлет жестокости, которая заключается в причинении страданий ради самих страданий или из мести, в нанесении увечий или ранений иначе, нежели в бою,

¹ В частности, угроза попадания оружия массового поражения в руки негосударственных акторов, в том числе террористических организаций, отмечена в обнародованной в 2017 г. Стратегии национальной безопасности США. «Возрастает угроза со стороны враждебных государств и негосударственных акторов, которые пытаются получить ядерное, химическое, радиологическое и биологическое оружие. Использование сирийским режимом химического оружия против своих граждан (официальная версия в США – прим. ред.) подрывает международные нормы в отношении этого ужасного оружия, что может поощрить и других к тому, чтобы заполучить и использовать его. ИГИЛ (запрещена в РФ – прим. ред.) использовала химическое оружие в Сирии и Ираке. Террористические группировки продолжают искать материалы, связанные с оружием массового поражения. Мы столкнемся с серьезной угрозой, если террористы получат ядерные, радиоактивные или биологические материалы, которые не охраняются должным образом», – отмечается в документе. См.: National Security Strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf> (дата обращения: 18.12.2017)

² Гронинген – город на севере Нидерландов, административный центр одноименной провинции и общины.

и в попытках для получения признаний. Она не приемлет использования яда каким бы то ни было способом и самочинного разорения территории. Она признает военную хитрость, но отвергает вероломство: в целом военная необходимость не включает в себя никаких враждебных актов, которые сделали бы возвращение к миру неоправданно сложным». Часть III ст. 70 уточняла: «Использование ядов любым способом, будь то отравление колодезцев, продуктов питания или оружия, полностью исключено из современной войны. Тот, кто ими пользуется, ставит себя вне законов и обычаев войны» [7].

Брюссельская декларация, 1874 г.

Спустя почти 200 лет после заключения Страсбургского соглашения, по инициативе российского императора Александра II (1818–1881) вопрос об ОВ как о недопустимом средстве ведения войны был поднят на международной конференции в Брюсселе, посвященной кодификации законов и обычаев войны. Конференция проходила с 15 (27) июня по 15 (27) августа 1874 г. В ней приняли участие представители 15 стран – России, Германии, Австро-Венгрии, Бельгии, Дании, Испании, США, Франции, Великобритании, Персии (Ирана), Нидерландов, Норвегии, Португалии, Османской империи и Швеции [8].

Основной целью конференции было заявлено уменьшение людских страданий во время военных действий посредством установления единых правил их ведения.

«Чем более – сказано в русском циркуляре от 17 апреля 1874 года, послужившем приглашением европейских держав на конференцию – развивается в настоящее время солидарность, предназначенная приблизить и соединить народы, как члены одной общей семьи, чем более, с другой стороны, военная их организация имеет своим назначением придать их распрям характер борьбы между вооруженными нациями, тем более оказывается необходимым определить точнее, чем до сих пор,

законы и обычаи, согласные с состоянием войны, для того чтобы ограничить ее последствия и уменьшить ее бедствия, насколько это возможно и желательно. В виду этой цели кажется необходимым, посредством взаимного соглашения, установить правила, которые должны быть обязательны как для самих правительств, так и для армий, на основании полнейшей взаимности» [8].

Участникам конференции был предложен на рассмотрение и обсуждение проект конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, разработанный российским дипломатом, видным юристом-международником и специалистом по гуманитарному праву Федором Федоровичем Мартенсом (Friedrich Fromhold Martens, 1845–1909). Документ содержал в себе многие важные положения, впоследствии вошедшие в Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг.

В частности, статья 12 раздела «О средствах причинения вреда неприятелю» гласила: *«Законы войны не признают за воюющими сторонами неограниченной возможности принятия мер по причинению вреда неприятелю»*. Статья 13 поясняла: *«В соответствии с этим принципом, запрещаются особенно: (а) Использовать яд или отравленное оружие; б) Предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к населению или войскам неприятеля; <...> (е) Использовать оружие, снаряды или материалы, рассчитанные на причинение излишних страданий, а также снаряды, запрещенные Санкт-Петербургской декларацией 1868 года»*³ [9].

Однако подавляющее большинство государств-участников поддержать проект отказалось. Сопrotивление вызвали не отдельные его положения, а сама идея ограничения войны какими-то международными правилами [10].

В частности, по мнению британских представителей, воюющим сторонам следовало предоставить неограниченную свободу в выборе

³ Инициатором созыва Санкт-Петербургской мирной конференции также выступил российский император Александр II. Целью ее было заявлено *«смягчить, насколько это возможно, бедствия, причиняемые войной»*. Конференция завершилась принятием Санкт-Петербургской декларации от 11 декабря 1868 г., запретившей применение разрывных пуль и *«любые снаряды весом до 400 граммов либо взрывающиеся, либо начиненные взрывчаткой или воспламеняющимся веществом»*. Особое значение Санкт-Петербургской декларации придавала ее преамбула, в которой сформулирован первый принцип права войны: *«Принимая во внимание, что ... единственная законная цель, которую должны иметь государства во время войны, состоит в ослаблении военных сил противника..., что для достижения этой цели достаточно выводить из строя наибольшее, по возможности, число людей, что эта цель будет превышена использованием видов оружия, которое без пользы увеличивает страдания людей или делает их смерть неизбежной..., использование таких видов оружия поэтому противоречило бы законам гуманности»* [10, 11]. Позиция российского военного министерства заключалась в том, что никакой военной необходимости в разрывных пулях нет, а их применение следует считать избыточным, *«не оправдываемым никакими боевыми требованиями»*. *«Война есть неизбежное зло»*, заключает военный министр, *«которое желательно сделать сколько возможно менее жестоким для человечества, и потому нет причины вводить такие смертоносные средства, которые только увеличивают бедствия и страдания людей без всякой пользы для прямой цели войны. Оружие должно быть употребляемо для того, чтобы ослабить неприятельскую армию. Вполне достаточно, если большое число людей у неприятеля выбудет из строя; но было бы варварством усиливать страдания раненых, выбывающих из строя»*. *«Воюющие стороны ни в каком случае не должны допускать более зла, чем сколько нужно для достижения цели. Все страдания и всякий нанесенный ущерб, которые не ослабляют противника, бесполезны и не должны быть допускаемы»* [8].

средств борьбы в соответствии с новейшими научно-техническими достижениями своих стран.

Делегация Великобритании прибыла в Брюссель только после получения заверений от организаторов с российской стороны, что обсуждения не выйдут за рамки предложенной повестки и обсуждаться будет только сухопутная война. И никакие ограничения не будут предлагаться для войны на море, где Великобритания хотела иметь полную «свободу рук». Но даже прислав своего представителя на конференцию, Великобритания фактически саботировала ее работу.

«Получив эти обещания, Англия согласилась назначить своего делегата на брюссельскую конференцию, поручив ему не принимать никакого участия в прениях и не подписывать никаких актов. Представитель Англии добросовестнейшим образом исполнил возложенное на него поручение: во время заседаний конференции, продолжавшейся более месяца, он не произносил ни одного слова при обсуждении статей русского проекта. Невольно возникает вопрос: не повредило ли это красноречивое молчание английского делегата успеху брюссельской конференции больше, нежели могло бы повредить полнейшее отсутствие представителя Англии?» [8].

США в соответствии с «доктриной Монро»⁴ вообще не прислали своих представителей в Брюссель, сочтя, что дела европейских народов их не касаются.

В ходе конференции выяснилось, что разногласий между сторонами в плане обеспечения собственных интересов оказалось гораздо больше, чем изначально предполагалось, поэтому стороны договорились продолжить работу, но подписывать проект в качестве окончательной формальной конвенции не стали. Он был принят в виде Брюссельской декларации, т.е. документа, который носил не обязательный, а рекомендательный характер.

Запрещение использовать на войне любые яды содержалось также в «Законах сухопутной войны» – руководстве, изданном Институтом международного права 9 сентября 1880 г. в Оксфорде⁵: *«Статья 4. Законы войны не признают за воюющими неограниченной свободы в средствах нанесения вреда неприятелю... <...> Статья 8. Запрещается: (а) Использовать яд в какой бы то ни было форме...» [12].*

Первая мирная конференция в Гааге, 1899 г.

Следующая попытка была предпринята в самом конце XIX в., на первой мирной конференции в Гааге 1899 г., созванной вновь по инициативе российского императора – Николая II (1868–1918). Конференция открылась 18 (6) мая и проходила по 29 (17) июля 1899 г. В ней принимали участие 26 стран – Россия, Османская империя, Германия, Австро-Венгрия, Италия, Франция, Испания, Великобритания, Нидерланды, Бельгия, Швейцария, Швеция, Дания, Болгария, Сербия, Черногория, Греция, Португалия, Лихтенштейн, Люксембург, Япония, Китай, Сиам, Персия, США и Мексика [13].

Конференция приняла три отдельных конвенции – «О мирном решении международных столкновений», «О законах и обычаях сухопутной войны» и «О применении к морской войне начал Женевской конвенции 10 августа 1864 года». Кроме того, были приняты три декларации – «О запрещении на пятилетний срок метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров или при помощи иных подобных новых способов», «О неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы» и «О неупотреблении пуль, легко разворачивающихся или сплюсчивающихся в человеческом теле». Первая декларация, принятие которой грозило надолго затормозить развитие любой авиации, ратифицирована не была. Две другие вступили в силу.

Конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны» касалась, в том числе, химического оружия. К ней было добавлено «Приложение о законах и обычаях сухопутной войны», состоявшее из четырех отделов. В разделе II Приложения – «О военных действиях», в главе 1 «О средствах нанесения вреда неприятелю, об осадах и бомбардировках», в ст. 22 было записано: *«Воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю». Ст. 23 поясняла: «Кроме ограничений, установленных особыми соглашениями, запрещается также: употреблять яд или отравленное оружие; предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к населению или войскам неприятеля; <...> употреблять оружие, снаряды и вещества, способные причинять излишние страдания...» [14].*

⁴ Декларация принципов внешней политики США («Америка для американцев»), провозглашенная 2 декабря 1823 г. в ежегодном послании президента США Джеймса Монро (James Monroe, 1758–1831) к Конгрессу. Она заключала в себе принцип разделения мира на европейскую и американскую системы государственного устройства, а также провозглашала концепцию невмешательства США во внутренние дела европейских стран при невмешательстве европейских держав во внутренние дела стран Западного полушария.

⁵ Созданный в 1873 г. Институт международного права (фр. Institut de Droit International, IDI) – одна из первых в мире организаций, занимавшихся разработкой и кодификацией норм международного права. Резолюции Института официальной силы не имели, тем не менее в мире к ним прислушивались. В частности, в ходе Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг. использовались его исследования в области законов и обычаев войны, особенно в части, касающейся кодификации законов сухопутной войны, подготовленных на сессии 1880 г. в Оксфорде.

В подпунктах о предательских убийствах и оружии, снарядах и веществах, способных причинять излишние страдания, об ОВ прямо не говорилось. Однако противники их применения впоследствии часто ссылались именно на эти подпункты, доказывая, что химическое оружие подпадает под эти определения.

В документе также оговаривались условия действия конвенции.

«Статья 1. Высокие Договаривающиеся Державы дадут своим сухопутным войскам наказ, согласный с приложенным к настоящей Конвенции «Положением о законах и обычаях сухопутной войны». Статьей 2. Постановления упомянутого в статье 1 Положения, а равно настоящей Конвенции обязательны лишь для Договаривающихся Держав в случае войны между двумя или более из них. Эти постановления перестают быть обязательными с того момента, когда, в случае войны между Договаривающимися Державами, к одной из воюющих сторон примкнет Держава, не участвующая в Конвенции» [14].

Конвенция носила ограниченный характер и действовала только на взаимной основе, т.е. только в том случае, если все воюющие стороны были ее участниками. Это был межгосударственный договор, распространявшийся только на регулярные армии стран-участниц. Кроме того, никак не оговаривались внутригосударственные конфликты.

Также в Гааге была принята специальная декларация:

«О неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы.

Нижеподписавшиеся, Уполномоченные Держав, принимавших участие в Международной Конференции Мира в Гааге, получив надлежащее для сего полномочие своих Правительств, вдохновляемые чувствами, нашедшими свое выражение в С.-Петербургской Декларации 29 ноября (11 декабря) 1868 года, объявляют:

Договаривающиеся Державы обязуются не употреблять снаряды, имеющие единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы.

Настоящая декларация обязательна лишь для договаривающихся Держав в случае войны между двумя или несколькими из них.

Она утрачивает обязательную силу, как только во время войны между договаривающимися Державами к одной из воюющих Сторон присоединится Держава, не участвующая в настоящем соглашении...» [15].

Предложение об ограничении применения на войне удушающих средств поступило от российской делегации⁶ в лице будущего героя Цусимы, погибшего на крейсере 1 ранга «Светлана», С.П. Шеина (1857–1905), который в 1899 г. занимал пост морского агента во Франции в звании капитана 2 ранга. Предложение было принято. Большинство участников мирной конференции согласились с тем, что следует запрещать использование любого средства, имеющего «варварский» и «предательский» характер, типа отравления источников питьевой воды. Удушающие средства следовало квалифицировать так же. Кроме того, по оценкам участников конференции, в случае применения газов в городах некомбатантов должно было погибнуть больше, чем при обычных бомбардировках. И наконец, смерть от удушья – гораздо более мучительная, чем от обычной пули. Газы были квалифицированы как средства, причиняющие излишние страдания [16]. Участники конференции сочли, что средства ведения войны должны лишать солдат противника возможности продолжать вооруженную борьбу, но это не означает, что их следует непременно отправлять на тот свет.

Несмотря на видимое единодушие, каждая сторона расценивала все договоренности в первую очередь с позиций своих собственных интересов.

На конференции обозначилась отдельная позиция США. Первоначально они поддержали декларацию, но тут же от своей поддержки отказались. Тогдашний госсекретарь Джон Хэй (John Hay, 1838–1905) дал указания американской делегации против принятия документа возражать. Согласно его указаниям, США не желают заранее лишать себя средства защиты. Кроме того, крайне сомнительно, чтобы с помощью того или иного международного договора можно было преодолеть «искушение нации, ведущей войну». И наконец, документ следовало бы считать преждевременным, поскольку окончательные результаты и последствия применения такого оружия пока не известны [16].

⁶ Среди исследователей иногда высказывается мнение о том, что Россия ратовала за запрещение химического оружия потому, что в силу отсталости и слабости собственной промышленности, в частности химической, не могла следовать за новейшими достижениями научно-технического прогресса, не могла рассчитывать на массовое производство химического оружия и его применение. Таким образом Россия пыталась, путем запрещения, защититься от угрозы, на которую не могла дать адекватного ответа [5]. Мнение небесспорно, поскольку к Гагским конвенциям и протоколу 1899 г. присоединились все ведущие европейские страны, в том числе Великобритания, Франция и Германия, обладавшая в то время самой мощной химической промышленностью в Европе [15]. К тому же, как показал опыт Первой мировой войны, Россия в 1916–1917 гг. по боевому химическому потенциалу уступала уже только Германии и немного Франции, но значительно опережала Великобританию.

При обсуждении проекта декларации полномочный делегат от США капитан (впоследствии адмирал) Альфред Тайер Мэхэн (Alfred Thayer Mahan, 1840–1914) утверждал, что снаряды с газами еще не нашли широкого применения и недостаточно разработаны для того, чтобы можно было судить об их результативности. Кроме того, он настаивал на том, что газы с точки зрения гуманизма ничуть не хуже, чем любое другое оружие, а заранее лишать себя средства обороны, которое в будущем, возможно, может дать хороший результат, США не намерены [17]. И с чисто человеческой точки зрения задушить солдат противника ядовитыми газами ничуть не более жестоко, чем утопить, как это происходит, когда корабль в море топят торпедой. Поэтому он будет голосовать против декларации [5].

«Возможность применения ядовитых газов давно уже занимала умы в военном мире, что доказывается тем фактом, что на Гаагской Конференции в 1899 г. многие из великих держав Европы и Азии обязались не употреблять никаких снарядов, выбрасывающих удушливые или ядовитые газы. Некоторые государства до последнего времени не подписали этой декларации. Германия подписала и ратифицировала это постановление 4 сентября 1900 г., но Соединенные Штаты категорически уклонились от подписи. Эта декларация признавала тем не менее указанное постановление необязательным в том случае, когда воюющей является держава, не подписавшая декларацию: адмирал Магон, делегат Соединенных Штатов,

обрисовал свое отношение к употреблению газов в гранатах (тогда еще только теоретическому), в следующих словах:

«Обвинение в жестокости и коварстве, которое возводится на эти проектируемые снаряды, высказывалось в давно прошедшие времена к применению огнестрельного оружия и мин, хотя теперь они употребляются без всякого угрызения совести. Нелогично и даже негуманно высказывать нежные чувства по поводу уничтожения людей газами, когда считается допустимым пробить ночью дно броненосца и сбросить 4–5 сотен людей в воду, с очень малым шансом на их спасение»⁷ [4, 18].

Однако причины такой позиции, скорее всего, заключались отнюдь не в том, что американская делегация всерьез посчитала, что смерть от утопления – хуже, чем от удушья.

«Капитан Мэхэн ... повторил свои аргументы, что он считает использование удушающих снарядов намного менее негуманным и жестоким, чем использование подводных лодок, а использование подводных лодок не было запрещено Конференцией... а правительство Соединенных Штатов не склонно налагать какие-либо ограничения на творческий гений своих граждан по части изобретений и создания нового оружия войны» [19].

Очевидно, одного из крупнейших в XIX в. военно-морских теоретиков, автора теории «морской силы» потенциальная угроза линейным флотам и океанским коммуникациям Соединенных Штатов со стороны подводных лодок беспокоила гораздо больше, чем сухопутные газы⁸.

⁷ На это Альфреду Мэхэну возражали, что в случае использования удушливых газов в городах неизбежно поражение некомбатантов, чего при торпедировании боевых кораблей быть не может. Такого рода аргументы сами по себе говорят о том, насколько плохо участники тогдашних дискуссий представляли себе характер будущих войн – реальная боевая практика Первой мировой войны свела это «гуманитарное преимущество» подводных лодок на нет.

⁸ Для крупнейшей в то время морской державы – Великобритании «подводный аргумент» не работал. Великобритания обладала самым мощным в мире надводным флотом, поэтому в Адмиралтействе даже мысли не допускали, что Grand Fleet-у всерьез может угрожать такая «дешевка», которая, к тому же, находилась в то время в зачаточном состоянии. Об этом пришлось жестоко пожалеть уже вскорости, когда подводная блокада Британских островов германскими подлодками и попытки ведения неограниченной подводной войны действительно чуть было не вывели ее из мировой войны. Уже после войны адмирал сэр Перси Скотт (Admiral Sir Percy Moreton Scott, 1853–1924) признавал: *«Во время войны подводные лодки господствовали на морских путях и чуть не заставили нас проиграть войну. Только недостаточная предусмотрительность германцев спасла нас. Если бы у них было еще 50 подводных лодок, как бы легко тогда все удалось! Сейчас они были бы победителями мира, а мы были бы германской колонией. Страшно подумать, что судьба великой нации висела на волоске из-за одной маленькой, очень маленькой ошибки» [21].* А британские военные историки вскрыли небезынтересные подробности американо-британских переговоров, предшествовавших вступлению в войну США: *«В качестве предвестника появления американского флота в Англию прибыл американский адмирал У.С. Симс. По распоряжению президента, он и другой морской офицер ехали инкогнито как частные граждане. По его прибытии, он был ознакомлен с действительным положением дел – положением, которое не могло быть оглашено из боязни привести население в уныние и ободрить противника. Суть сообщения, сделанного первым морским лордом адм. Джеллико адм. Симсу, заключалось в следующем: германские подводные лодки выигрывают войну. В конце концов морской штаб в Берлине был совсем недалек от истины в своих расчетах. В то время как было обещано при помощи подводных лодок добиться мира в августе, по мнению британского адмиралтейства можно было с математической точностью предсказать, что война будет проиграна союзниками к ноябрю, если только противник не встретит на своем пути неожиданного препятствия. Потеря мирового тоннажа в миллион тонн в месяц должна была в конце концов привести к тому, что невозможно будет снабжать и действующую армию и гражданское население всем необходимым для поддержания их сопротивляемости» [22].*

Бывший глава МИД Нидерландов Йонкер ван Карнебек (Jonkheer Abraham Pieter Cornelis van Karnebeek, 1836–1925) упрекнул Мэхэна в том, что он смотрит на вещи исключительно сквозь призму морской войны, тогда как здесь обсуждаются вопросы войны сухопутной, так что его сравнение совершенно некорректно. Делегаты пустились в пространные рассуждения – применимы ли к морской войне правила войны сухопутной, сколько человек с потопленного корабля может, если вообще может, спасти утопившая его торпедоносная лодка, что будет, если отравить реку, в каком случае у экипажа боевого корабля больше шансов спастись – если его утопить или пустить газ в трюмы. В таком примерно ключе проходило обсуждение важного международного вопроса [20]. Датская делегация заявила, что бессмысленно обсуждать использование снарядов, которых еще не существует. Альфред Мэхэн остался в меньшинстве. Глава американской делегации, посол США в Берлине Эндрю Диксон Уайт (Andrew Dickson White, 1832–1918), согласный с мнением большинства, но по должности обязанный поддерживать внешнеполитическую линию Госдепартамента, развел руками: «Что может сделать какой-то дилетант, когда

против него крупнейшие военные и морские специалисты современности?».

Декларация была принята. Документ подписали Германия, Австро-Венгрия, Бельгия, Китай, Дания, Испания, Мексика, Франция, Греция, Италия, Япония, Люксембург, Черногория, Нидерланды, Персия, Португалия, Румыния, Россия, Сербия, Сиам, Соединенное королевство Швеции и Норвегии, Швейцария, Турция, Болгария [15, 20]. Отказались – США и Великобритания. Великобритания присоединилась к декларации позднее, уже после ее вступления в силу.

Вторая мирная конференция в Гааге, 1907 г.

Спустя восемь лет, 5 (18) ноября 1907 г., в Гааге 46 странами были подписаны 13 конвенций и 1 декларация, также посвященные правилам ведения войны⁹. Как и в 1899 г., в конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» в приложении к конвенции – «Положении о законах и обычаях сухопутной войны» (Отдел II «О военных действиях», гл. I «О средствах нанесения вреда неприятелю, об осадах и бомбардировках», ст. 22–23) были повторены все формулировки конвенции от 1899 г.¹⁰[24–26].

⁹ Декларация о запрещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров от 18 октября 1907 г.; конвенция о мирном решении международных столкновений от 18 октября 1907 г.; конвенция об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам от 18 октября 1907 г.; конвенция об открытии военных действий от 18 октября 1907 г.; конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г.; конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны от 18 октября 1907 г.; конвенция о положении неприятельских торговых судов при начале военных действий от 18 октября 1907 г.; конвенция об обращении торговых судов в суда военные от 18 октября 1907 г.; конвенция о постановке подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин от 18 октября 1907 г.; конвенция о бомбардировании морскими силами во время войны от 18 октября 1907 г.; конвенция о применении к морской войне начал Женевской конвенции (впоследствии заменена Женевской конвенцией 1949 г.) от 18 октября 1907 г.; конвенция о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне от 18 октября 1907 г.; конвенция об учреждении Международной призывной палаты (не вступила в силу) от 18 октября 1907 г.; конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны от 18 октября 1907 г.

¹⁰ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 18 октября 1907 г.

Договор с приложением: Положение о законах и обычаях сухопутной войны.

Статья 1.

Договаривающиеся Державы дадут своим сухопутным войскам наказ, согласный с приложенным к настоящей конвенции Положением о законах и обычаях сухопутной войны.

Статья 2.

Постановления упомянутого в ст. 1 Положения, а равно настоящей конвенции обязательны лишь для договаривающихся Держав и только в случае, если все воюющие участвуют в конвенции.

Статья 3.

Воюющая Сторона, которая нарушит постановления сказанного Положения, должна будет возместить убытки, если к тому есть основание. Она будет ответственна за все действия, совершенные лицами, входящими в состав ее военных сил.

ОТДЕЛ II

О военных действиях

Глава I

О средствах нанесения вреда неприятелю, об осадах и бомбардировках

Статья 22.

Воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю.

Статья 23.

Кроме ограничений, установленных особыми соглашениями, воспрещается:

а) употреблять яд или отравленное оружие; б) предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к населению или войскам неприятеля; <...> д) употреблять оружие, снаряды или вещества, способные причинять излишние страдания; <...>» [23].

Предыдущие документы были бессрочными, поэтому формально никакой специальной необходимости повторять одни и те же формулировки не было.

В ходе мирной конференции вопрос о применении на поле боя удушающих газов не обсуждался. Более того, на пленарных заседаниях и во время работы комиссий и подкомиссий неоднократно подчеркивалось, что ни одна страна, ранее присоединившаяся к декларациям от 1899 г., в том числе об удушающих газах, не требовала их пересмотра, так что и обсуждать их смысла не было. Они заключались на неопределенный срок и могли быть денонсированы только по предварительному уведомлению, сделанному за год. Ни одна страна не изъявила такого желания [24]. Декларации сохраняли свою юридическую силу [26].

Позиции сторон не изменились. Вместе с тем, очевидно, большинство стран-участниц конференции не видели в «ядах», «отравленном оружии» и «удушающих и вредоносных газах» и ничего перспективного. В противном случае их не торопились бы запрещать.

Более того, на одном из пленарных заседаний Великобритании в лице своего делегата сэра Эдварда Фрая (Sir Edward Fry, 1827–1918) объявила о присоединении его страны к декларации 1899 г.: *«В 1899 г. правительство Ея Величества не могло согласиться присоединиться к Декларации, касающейся запрещения использования снарядов, единственной целью которых является распространение удушающих и вредоносных газов и к Декларации о неупотреблении пуль, легко разрывающихся или сплюсывающихся в человеческом теле. Я уполномочен объявить, что мое правительство, воодушевленное желанием придать, насколько это возможно, характер единодушия этим соглашениям, целиком и полностью признает эти декларации»* [24].

Гаагские конвенции и декларации 1899 и 1907 гг., заложившие фундамент современного международного права, стали первой реализованной попыткой кодификации законов и обычаев войны, в том числе путем введения ограничений на средства и методы ведения вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера, а также принципов мирного разрешения международных споров. Гаагские конвенции и декларации 1899 и 1907 гг. закрепили основные положения, регламентирующие правила ведения военных действий и отношение к гражданскому населению – принцип мирного разрешения международных споров, запрет на начало военных действий без предварительного и недвусмысленного предупреждения, разграничение на комбатантов и некомбатантов. Они подробно регламентировали права военнопленных, оставляли населению право на вооруженное сопротивление, содержали запрещение истре-

блять и захватывать неприятельскую собственность, кроме случаев, когда подобное истребление или захват настоятельно вызывается военной необходимостью, запрещение убивать сдавшихся и «объявлять, что никому не будет дано пощады», отдавать на разграбление города и местности, даже взятые приступом. Они содержали требования охранять медицинские учреждения, памятники культуры и т.д.

Однако в части, касающейся химического оружия, эти документы, сильно отличавшиеся и по духу, и по букве от ныне действующей КХО, в качестве средства предотвращения использования на войне ОВ оказались неработоспособными.

К тому же, как стало очевидно в ходе войны, данные в Гааге определения самого предмета запрещения – что следует понимать под понятием «яды», «отравленное оружие», «удушающие или вредоносные газы» – были нечеткими и допускали многозначность толкования. Политики, дипломаты, военные и юристы имели перед глазами конкретные прецеденты и образцы из прошлого. Их и стремились ограничить. Между тем, если не запрещать изобретательство, то рано или поздно появятся и новые изобретения. К тому же, в то время никто даже и близко не мог себе представить, каких масштабов достигнет и какие формы примет применение химического оружия уже в самое ближайшее время. В Гааге готовились к прошлым войнам.

В Германии, в частности, еще до начала войны Генштаб был склонен трактовать положения конвенций буквально – запрещаются яды, отравление пищевых продуктов и источников питьевой воды.

«В отношении способов устранения неприятельской армии принято за неоспоримое и само собой понятное правило, что военные власти и их органы пользуются по отношению к неприятельским комбатантам правом убийства и уничтожения; дозволены все изобретаемые современной техникой средства, даже наиболее совершенные и опасные, убивающие неприятеля целыми массами. Последние, достигая цели войны в кратчайший срок, совершенно неизбежны и, строго говоря, должны быть признаны наиболее гуманными. В дополнение указанного выше правила обычное военное право желает лишь, чтобы не применялись средства более суровые, когда для достижения той же цели имеются более мягкие и при том достаточные средства. Кроме того, некоторые средства, применение которых влечет за собой безцельные страдания, не должны быть допускаемы. Сюда относятся: Пользование ядом, как против отдельных лиц, так и против масс, отравление колодезей, съестных припасов, распространение заразных болезней (Как доказано применялось часто в войне испанцев против Наполеона 1-го – прим. сост.). Вероломное убийство и объявление неприятеля вне закона. Пользование оружием,

Рисунок 1 — Русские солдаты – жертвы газовой атаки у Крево, 9 августа 1916 г. Видны характерные признаки отравления хлором – пена у рта. Судя по фрагментам кислородного аппарата (справа), газоотравленным оказывалась медицинская помощь непосредственно на позициях. Фото предоставлено В.В. Прихачем

причиняющим безцельные страдания (стрельба нарубленным свинцом, стеклом и т.п.). Убийство раненых и пленных, неспособных более сражаться. Отказ в пощаде солдатам, уже положившим оружие и сдающимся в плен. Развитие современной техники сделало излишним специальное запрещение некоторых более старых средств (цепных, шестовых и каленых ядер, смоляных венков), так как они заменены теперь более действенным. Однако Петербургская конвенция от 11-го декабря 1868 г. воспретила пользование разрывными снарядами весом менее 400 грамм» [27].

Газ как средство пропаганды

Предпринятые в конце XIX – начале XX вв. попытки контроля над вооружениями завершились неудачей. Зато в Первую мировую войну они породили бурные дискуссии среди политиков, дипломатов и военных на конвенциональные темы.

Кто первый начал? Первым поводом для споров стал вопрос о том, кто первый начал. В гаагских документах вопрос о приоритете формально не оговаривался. Официальные тексты соглашений не предполагали, что запретным является только первое применение, а ответное – разрешенным. Важным было участие или неучастие воюющих сторон в конвенциях¹¹.

Тем не менее, возлагание на противника вины за первое применение химического оружия (при том, что неопровержимо установить это обстоятельство было крайне сложно ввиду отсутствия механизмов верификации) и, соответствен-

но, за нарушение норм международного права, с упором на собственную позицию самообороны, давало каждой из воюющих сторон своего рода моральное оправдание перед лицом общественности в своей стране и среди союзников. Никто не хотел становиться первым нарушителем, брать на себя моральную ответственность и, возможно, отвечать за последствия (рисунок 1).

Так, солдатам русской армии на фронтах разъяснялось: «Еще задолго до войны был подписан договор, по которому «Договаривающиеся державы обязуются не употреблять снарядов, имеющих единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы». Применение удушливых газов явилось для держав согласия неожиданным. Мы и наши союзники были не подготовлены к борьбе с ними. Первая газовая атака заставила энергично взяться сперва за разработку способов борьбы с газами и выработку методов защиты воинов... Продолжающееся применение немцами газов побудило державы согласия подумать об ответной газовой борьбе...» [28]. Такая позиция была единой для всех стран-союзниц.

Германия обвинений в свой адрес не принимала. «Как французами, так и немцами первое запрещение («применения ядов и отравленного оружия») толкуется так, что оно не распространяется на боевые газы, но касается исключительно отравления колодцев и ядовитых стрел диких народов, а также аналогичных им отравленных снарядов, осколков, шашек, пик и т.п., равно как отравление врага через пищевые продукты. Этот

¹¹ Еще одним подтверждением этого обстоятельства служит позиция делегации США на конференции в Гааге в 1899 г. Американцы отказывались присоединиться к ограничительным мерам по применению химического оружия, отстаивая право США на защиту. Если бы гаагские договоренности ограничивали только первое применение, допуская ответное, этого возражения бы не возникло.

Рисунок 2 — В Первую мировую войну и после нее в некоторых военно-политических кругах химическое оружие считалось гуманным... Жертвы ракетно-артиллерийских обстрелов боеприпасами с ипритом во время ирано-иракской войны, 80-е гг. XX в. [55]

единодушный взгляд знатоков международного права основывается на том, что второе запрещение наверно не было бы издано, если бы первое, более общее, уже предусматривало тот же предмет. Обращаясь к рассмотрению второго запрещения («применять такие снаряды, единственная цель которых заключается в распространении ядовитых (удушливых или смертоносных) газов»), мы видим, что нарушение его ни в коем случае не исходило от немцев. Для полного понимания этого пункта нужно обратиться к французскому воззрению, которое химические вещества, преимущественно раздражающего действия, не считает запрещенными Гаагской Конвенцией, а признает применение их совершенно свободным. Если встать на эту точку зрения, то первыми снарядами, противоречащими запрету, придется считать французские фосгенные гранаты 1916 г., ибо они первые содержали в форме снаряда газ, преимущественно ядовитого действия. Если же не признать весьма искусственного различия между разрешенными газами, преимущественно раздражающего действия и запрещенными – преимущественно отравляющего действия, то в нарушении запрета применять боевые химические вещества виновны опять-таки французы, так как они выступили на войну уже с химическими ручными гранатами. В этом случае германские

меры противодействия были вполне допустимы с точки зрения международного права» [29].

Что такое «яды» и «газы»? Отказываться от нового оружия, убедившись в его возможностях, никто из воюющих сторон не желал. Подвергаться обвинениям в нарушении норм международного права и выглядеть нецивилизованными варварами – тоже. Это обстоятельство в сочетании с тем, что формулировки гаагских документов были изначально расплывчатыми и быстро устарели, породило массу казуистики.

В ходе газовой атаки под Ипром в апреле 1915 г. германцы использовали хлор в баллонах – можно ли было считать это нарушением, если в декларации от 1899 г. четко говорилось о «снарядах», а не о «баллонах» [17]?

Французы настаивали на том, что их собственные химические боеприпасы – ружейные гранаты с раздражающим и слезоточивым газом этилбром-ацетатом, испытанные и принятые на снабжение еще до Первой мировой войны и впервые использованные ими в августе 1914 г. [3] – ни в коем случае нельзя считать «удушающими или вредоносными» в том смысле, который заложен в декларации.

Германцы, апеллируя к формулировке о запрещении снарядов, чьим «единственным назначением» является «распространять удушающие или вредоносные газы», напоминали, что их сна-

ряды (с раздражающим дианидизином, шрапнель «Ni») были снаряжены еще и шрапнелью, так что токсический эффект был не единственным поражающим фактором этих снарядов, следовательно, под ограничения они не подпадают [16, 17].

О гуманизме. Политики, военные и юристы во всех воюющих странах вели оживленные дискуссии о гуманизме, отдающие проявлением психопатологии. Вопрос о том, можно ли считать смерть от удушья безболезненной или нет, и в каких случаях, превратился в важную военно-политическую и юридическую проблему. От каких токсичных химикатов можно умереть, а от каких нет, разве что чисто случайно. Какие виды боеприпасов являются запрещенными, а какие нет [19]. Можно ли считать ОВ причиняющим излишние страдания, если в результате отравления человек погибает мгновенно? А если оно вызывает болевые ощущения, но не влечет за собой летальный исход или серьезный ущерб здоровью? (рисунки 2).

Эти споры были вызваны отнюдь не медицинским интересом, но имели правовой подтекст – нежелание подпадать под статьи конвенций. Кроме того, воюющим сторонам, преусердствовавшим в пропагандистском обвинении друг друга в варварстве, нужно было искать способы легализации своих собственных химических боеприпасов – дескать, наши, французские снаряды, не более вредоносны, чем любые другие применяемые на войне, а вот немцы!¹²...

К тому же, в данном случае столкнулись фундаментальные подходы к проблеме выбора средств ведения войны. Целью войны является победа, поэтому дозволенными следовало бы считать любые средства, которые позволяли достичь целей войны быстрее. В этом случае вопросы избыточности применения силы, излишних страданий и т.д., отходили на второй план.

Более того, в ходе Первой мировой войны, но особенно после нее в некоторых военно-политических кругах на Западе (в меньшей степени Советской России) сформировалось представление о газах как об оружии гуманном – в том числе по причине сравнительно низкого процента безвозвратных потерь по отношению к потерям общим [30–32]. Не в последнюю очередь это произошло потому, что страны-победительницы обзавелись собственными химическими арсеналами, а с появлением надежных противогазов и по мере обучения войск мерам противохимической защиты процент умерших от отравления действительно снизился в сравнении с первыми годами войны^{13, 14}.

«...Если взять вещества другого класса – «слезо-вызывающие» – и в частности хорошо известный нам хлорпикрин, то картина физиологического действия получается совсем иная. Дело в том, что специфическое раздражение глаз и неудержимый кашель, переходящий в мучительную рвоту, начинаются у людей, находящихся в атмосфере, отравленной хлорпикрином, при концентрации в несколько раз меньше той, которая грозит их здоровью. Вот почему человек, разумеется, без противогаза, подвергшийся воздействию хлорпикрина, физически не может оставаться в той атмосфере много раньше, чем воспримет опасную дозу, и удержать его в этом ужасном состоянии можно, разве приковав на цепь, иначе он бежит все равно куда, хоть бы на верную смерть от пули. Подобные же приблизительно свойства имеют и другие слезо-вызывающие вещества, – доказывал читателям журнала «Артиллерийское дело» профессор А.А. Дзержкович (1875–1934), начальник IX химической секции Арткома ГАУ, – Что же касается случаев более легкого отравления, то отравление напр., фосгеном, по нашему личному опыту, не как врача, а как пациента, тяжело и, пожалуй, ближе всего может быть сравнено со страданием жестоко простуженного человека, но не более этого» [30].

¹² Между тем, когда французы в 1918 г. обнаружили, что их низкокачественный иприт, полученный по способу Левинштейна (доля основного вещества не превышала 80–85 %), наносит более тяжелые поражения, чем германский, полученный по способу Майера-Фишера (доля основного вещества – 95 %), они прекратили его дальнейшую очистку [18]. И никакие «гуманистические соображения» этому, разумеется, не помешали.

¹³ «В 1918 году на газы приходилось от 20 до 30 процентов всех боевых потерь американцев, что свидетельствует о том, что токсичный газ является одним из самых могущественных элементов войны. Однако отчеты свидетельствуют о том, что когда в армию стали поставлять противогазы и другие средства защиты, только 3–4 процента потерь от газов стали смертельными. Это свидетельствует о том, что газ может быть не только одним из самых эффективных средств войны, но и одним из самых гуманных», – утверждал преподаватель тактики академии Вест-Пойнта Эдвард Фарроу [33].

¹⁴ Одна из ошибок историков уже современных (см., например, Белаш Е.Ю. Первая мировая. Тайны и факты истории. М.: 2017), описывающих применение химического оружия в Первую мировую войну, состоит в том, что его эффективность они оценивают по потерям в личном составе в % относительно потерь от других видов оружия. С этой точки зрения они действительно небольшие. Для германской армии потери личного состава от ОВ за годы войны составили 1,88 %, для британской – 8,79 %, для французской – 5,97 %. Но тактика применения химического оружия германцами, сложившаяся в конце 1917 г., и не предполагала уничтожения ОВ живой силы противника, а только ее нейтрализацию. Надо понимать, что тогда химическое оружие применялось в условиях позиционной войны для обеспечения успеха наступающим войскам. Именно потерявший боеспособность противник не мог оказать им сопротивления. Его артиллерия была «приведена к молчанию», переброска резервов блокирована, в этих условиях личный состав противника уничтожался безнаказанным артиллерийским огнем, штыками и дубинками штурмовых отрядов пехоты (прим. ред.).

Информационно-пропагандистская война.

Вопрос о «гуманизме» следует рассматривать также в контексте информационной кампании, развернутой союзниками против эффективного применения ОВ германской армией в Первую мировую войну. Когда в 1915 г. германцы под Ипром пустили хлор, союзникам первоначально нечего было им противопоставить, нечем ответить и нечем защититься. Поэтому в ход было пущено пропагандистское оружие – с одновременной разработкой ответных мер, чему никакие «гуманистические соображения», разумеется, не помешали.

Точно такая же пропагандистская кампания была развернута в отношении подводных лодок. Обвинения в адрес Германии в негуманности и варварстве¹⁵, выдвигаемые, в первую очередь, Великобританией как наиболее заинтересованной стороной, использовались как средство давления и чтобы выиграть время, пока в Великобритании не наладили противолодочную оборону и систему конвоев, что значительно снизило эффект от действий подлодок. По мнению гросс-адмирала Альфреда фон Тирпица (Alfred von Tirpitz, 1849–1930), именно нерешительность германского правительства, поддавшегося давлению Великобритании и опасавшегося спровоцировать США, в вопросе о неограниченной подводной войне и привела к тому, что она не дала желаемого результата [35].

В XXI в. место «гуманизма» заняли «права человека».

Версальский мир, 1919 г.

После окончания Первой мировой войны Версальский мирный договор 1919 г. запретил Германии использование, производство и хранение удушливых, ядовитых или иных газов и аналогичных жидкостей, материалов и устройств (боеприпасов). Их импорт также запрещался. Кроме того, Германию обязали поделиться технологиями.

«Статья 171.

В виду восприимчивости пользования удушливыми, ядовитыми или тому подобными газами, а также всякими аналогичными жидкостями, веществами или способами, производство и ввоз их в Германию строго воспрещается.

То же самое будет относиться к материалу, специально предназначенному для изготовления, сохранения или применения названных продуктов или способов.

Равным образом воспрещается производство и ввоз в Германию броневиков, танков или всякого

рода других подобных машин, могущих служить для военных целей.

Статья 172.

В трехмесячный срок со дня вступления в силу настоящего Договора Германское Правительство доведет до сведения Правительств Главных Союзных и Объединившихся Держав о видах и способах производства всех взрывчатых веществ, ядовитых составов или других химических препаратов, употреблявшихся им в течение войны или изготовленных им с целью употребить их таким образом» [36].

Формулировки статей Версальского договора были более широкими, чем в Гаагских конвенциях и декларации 1899 г. – сказался опыт Первой мировой войны. Однако победители трактовали договор как одностороннее разоружение Германии, так что обязателен он был только для нее. К тому же, ими двигало в первую очередь желание поставить под контроль химическую промышленность Германии и обезвредить таким образом своего основного конкурента на европейских рынках. На себя союзники никаких обязательств не брали и продолжили готовиться к будущей химической войне «в целях самообороны» [37]. В самой Германии тоже вскоре нашли способы договор обойти.

Эти же положения содержались в *Берлинском договоре* от 1921 г. между Германией и США. Мирные договоры по итогам Первой мировой с Австрией (*Сен-Жерменский договор* 10.09.1919 г. между Австрийской Республикой и 17 союзными державами [38]), Венгрией (*Трианонский мирный договор* от 04.06.1920 г. между Венгрией и 17 союзными и ассоциированными державами, ст. 118, 119) [39] и Болгарией (*Нейский мирный договор* между Болгарией и 16 союзными державами от 27.11.1920) [40] содержали аналогичные положения и также означали разоружение проигравших без каких-либо обязательств со стороны победителей.

Вашингтонская конференция, 1921–1922 г.

В следующий раз вопрос о химическом оружии встал на международном уровне в ходе Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. об ограничении морских вооружений и о проблемах Дальнего Востока и бассейна Тихого океана, проходившей с 12 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г. в Вашингтоне. В ее работе приняли участие США, Великобритания, Китай, Япония, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды и Португалия, а также пять британских доминионов¹⁶. Основные вопросы решались тройкой сильнейших мор-

¹⁵ Германия имела не меньше оснований обвинять своих противников в варварстве – экономические последствия блокады все больше и больше сказывались на гражданском населении.

¹⁶ Советское правительство, не получившее приглашения на конференцию, 19 июля и 2 ноября 1921 г. заявило протесты против отстранения ее от участия в конференции, а 8 декабря 1921 г. направило протест против обсуждения на ней вопроса о Китайско-восточной железной дороге. В декабре 1921 г. в Вашингтон прибыла делегация Дальневосточной республики, но она не была допущена к работе конференции. В итоге Советская Россия заявила о непризнании ее итогов. Впрочем, в области морских вооружений Советской России предъявить было фактически нечего. После Первой мировой и Гражданской войн Россия осталась практически без

ских держав – США, Великобританией и Японией. Конференция была созвана по инициативе США, которые намеревались добиться благоприятного для себя решения вопроса о морских вооружениях и закреплении нового соотношения сил в Китае и в бассейне Тихого океана. Конференция была посвящена вопросам раздела сфер влияния в бассейне Тихого океана, а также морским вооружениям. «Договор пяти держав», более известный как Вашингтонское морское соглашение 1922 г. между США, Великобританией, Японией, Францией и Италией, устанавливал соотношение тоннажа линейных судов и авианосцев в пропорции: 5:5:3:1,75:1,75 (США, Великобритания, Япония, Франция, Италия соответственно). Также было принято предложение США о запрещении постройки линкоров водоизмещением свыше 35 тыс. т.

В ходе подготовки Вашингтонского морского соглашения 1922 г. или Договора Пяти Держав (подписан 6 февраля 1922 г.) в рамках конференции был разработан документ – Договор об использовании на войне подводных лодок и вредоносных газов (Вашингтон, 6 февраля 1922 г.).

В преамбуле указывалось:

«Соединенные Штаты Америки, Британская Империя, Франция, Италия и Япония, далее именуемые государствами-участниками, желая сделать более эффективными принятые цивилизованными нациями законы о защите на море во время войны нейтралов и некомбатантов, а также предотвратить использование на войне вредоносных газов и химикатов, договорились заключить по этому поводу договор...» [41].

Документ составлялся под впечатлением неограниченной подводной войны, которую в Первую мировую войну вели германские подлодки против британских, нейтральных и «условно нейтральных» кораблей. Почти все статьи были посвящены ненападению на торговые суда.

Однако ст. 5 гласила:

«Использование на войне удушающих, ядовитых или других газов, а также всех аналогичных жидкостей, материалов и устройств, было справедливо осуждено общим мнением цивилизованного мира, а запрещение такого использования было провозглашено в договорах, участниками которых являются большинство цивилизованных стран. Государства-участники, признавая, что это запрещение должно быть признано повсеместно в качестве международного закона, объединив советь и практический подход наций, объявляют о своем согласии с таким запрещением, соглашаются следовать ему сами и приглашают другие цивилизованные страны присоединиться к ним» [41].

В этом договоре предполагалось расширить и уточнить формулировки в сравнении со слишком узкими в Гагской декларации и конвенциях. Также нужно было подтвердить, что в части, ка-

сающейся химического оружия, довоенные договоренности продолжают действовать, поскольку поведение государств-участников в Первую мировую войну их полностью обесценило.

На этот раз тему запрещения химического оружия активно лоббировала делегация Соединенных Штатов, настаивая на том, что оно влечет за собой ненужные страдания и причиняет излишний вред некомбатантам. Использование химического оружия аналогично такой осужденной Гагскими конвенциями практике, как отравление колодцев [16]. На принятии договора особенно настаивал государственный секретарь США Чарльз Эванс Хьюз (Charles Evans Hughes, 1862–1948). В США была развернута целая общественная кампания в поддержку договора. 29 марта 1922 г. [17]. Сенат дал согласие на его ратификацию. Президент ратифицировал договор 9 июня 1923 г.

Изменение позиции США произошло по нескольким причинам [53]. До вступления США в войну 6 апреля 1917 г. «газовая война» была для них чистой теорией. К химической войне в США особенно не готовились. Теперь американским солдатам в Европе пришлось непосредственно познакомиться с германским ипритом и понести чувствительные потери. Кроме того, на общественное мнение в США сильно повлияли информационно-пропагандистские кампании против химического оружия, которые велись в европейских странах.

Документ мог вступить в силу только в случае ратификации всеми сторонами. Однако Франция его ратифицировать отказалась. Поэтому он никогда не вступал в силу и остался в виде декларации о намерениях.

Договоренности о химическом оружии не удалось достичь потому, что оно увязывалось с подводными лодками и договориться не удалось именно по ним. Вопрос о тоннаже подводных флотов стал на Вашингтонской конференции одним из самых серьезных. По проекту Хьюза, США и Великобритания получали квоту по 90 тыс. т каждая, Япония – 40 тыс. т. Великобритания пыталась компенсировать сокращение своего линейного флота строительством подлодок и требовала сократить подводный флот своей традиционной соперницы – Франции. Франция, имевшая по сравнению с Великобританией незначительный линейный флот, потребовала для себя равную с Великобританией квоту по подводным лодкам – 90 тыс. т, полагая, что только так можно гарантировать безопасность собственной территории. Аналогичную позицию на конференции занимали Италия и Япония. США, приняв сторону Великобритании, предложили Франции 60 тыс. т. Делегация Франции ответила отказом. Это означало срыв договоренности.

Обязательства не использовать в военных

морского надводного и подводного флотов. Средств на его восстановление тоже не было.

действиях «удушающие газы, яды или похожие вещества, а также аналогичные жидкости, материалы или устройства» содержались также в еще одном международно-правовом документе, разработанном в те же годы – Конвенции об ограничении вооружений центральноамериканских государств, подписанной 7 февраля 1923 г. в Вашингтоне.

«Статья 5. Договаривающиеся стороны, признавая, что использование во время военных действий удушающих газов, ядов или похожих веществ, а также аналогичных жидкостей, материалов или устройств противоречит гуманным принципам и международному праву, настоящей конвенцией принимают на себя обязательства не использовать указанные вещества во время войны» [42].

Женевский протокол, 1925 г.

Очередной запретительный документ – Женевский протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств был принят в 1925 г. в Женеве. Он был открыт к подписанию 17 июня 1925 г. и вступил в силу 8 февраля 1928 г.

В нем вводился запрет на применение «удушающих, ядовитых или других подобных газов, равно как и всяких аналогичных жидкостей, веществ и процессов» [4, 5, 43, 52].

«Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, 17 июня 1925 года

17-06-1925 Договор

Нижеподписавшиеся Уполномоченные, от имени своих соответственных правительств:

Считая, что применение на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов, равно как и всяких аналогичных жидкостей, веществ и процессов, справедливо было осуждено общественным мнением цивилизованного мира,

Считая, что запрещение этого применения было сформулировано в договорах, участниками коих является большинство держав мира,

В целях повсеместного признания вошедшим в международное право сего запрещения, равно обязательного для совести и практики народов,

Заявляют:

Что Высокие Договаривающиеся Стороны, поскольку они не состоят уже участниками договоров, запрещающих это применение, признают это запрещение, соглашаются распространить это запрещение на бактериологические средства ведения войны и договариваются считать себя связанными по отношению друг к другу условиями этой декларации.

Высокие Договаривающиеся Стороны приложат все свои усилия к побуждению других государств присоединиться к настоящему Протоколу. Об этом присоединении будет уведомлено

Рисунок 3 — Производство противогазов. Детройт, Мичиган, 1942 г. [1]

Рисунок 4 — Проверка утечки зарина на складе ОВ. США, 1970 г. [1]

Правительством Французской Республики, а последним – все подписавшие и присоединившиеся державы. Оно войдет в действие со дня уведомления, сделанного Правительством Французской Республики.

Настоящий Протокол, французский и английский тексты которого будут считаться аутентичными, будет ратификован в возможно кратчайший срок. Он будет носить дату сего дня.

Ратификация настоящего Протокола будет препровождена Правительством Французской Республики, которое уведомит каждую подписавшуюся или присоединившуюся державу о принятии таковой на хранение.

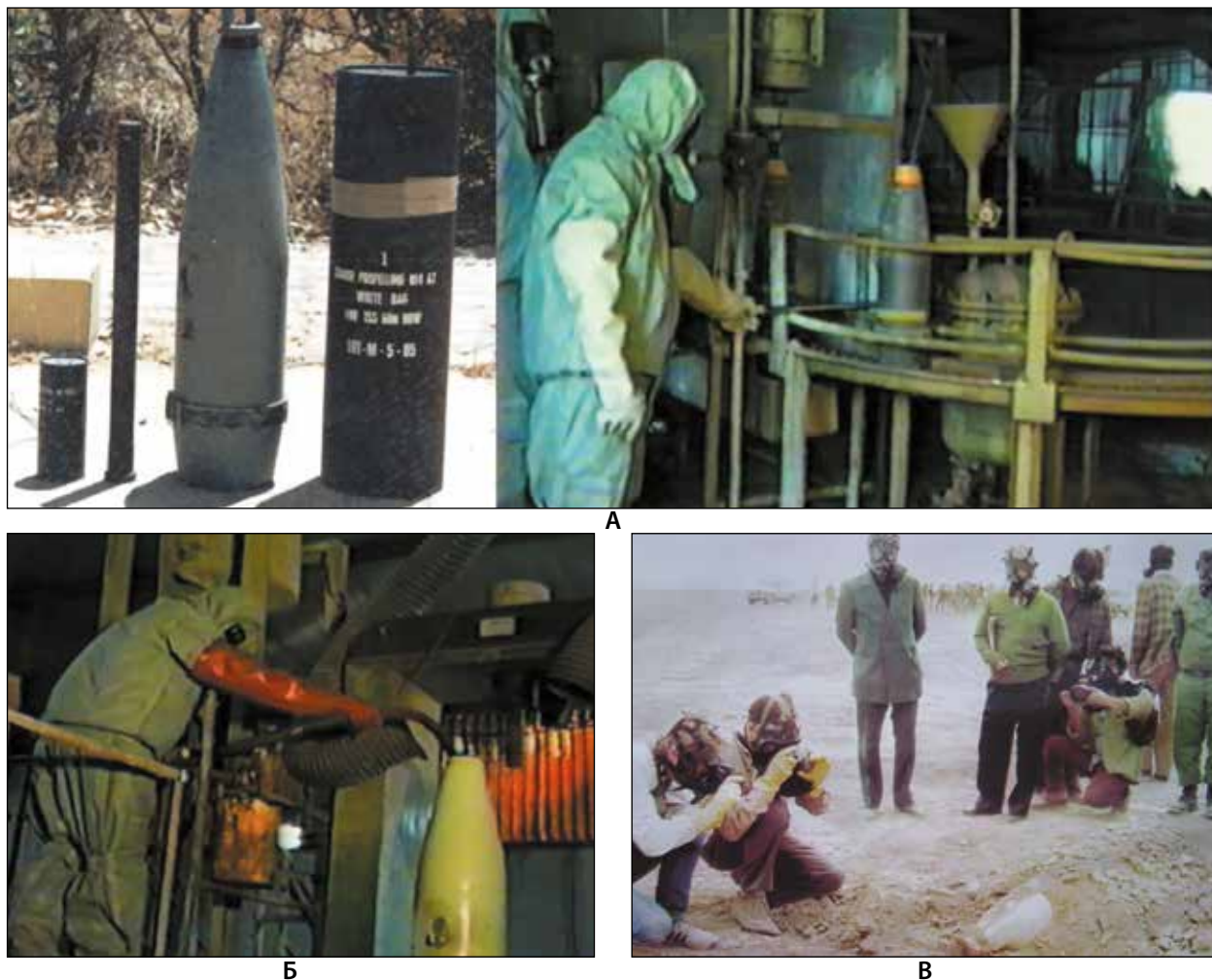

Рисунок 5 — Применение химического оружия в 80-е годы во время ирано-иракской войны иракскому руководству в 2004 г. просто «списали»...

А, Б. Заливка иприта в 155-мм артиллерийские снаряды. Объект аль-Мутанна, Ирак. Кадры технической съемки 1980-х гг. [47] В. Инспекция на месте разрыва химических боеприпасов. Иран, 1980-е гг. [55]

Ратификационные грамоты или документы о присоединении будут храниться в архивах Правительства Французской Республики.

Настоящий Протокол войдет в силу для каждой подписавшей державы со дня поступления ратификации, и с этого момента таковая держава будет связана в отношении других держав, уже производивших сдачу своих ратификаций.

В удостоверение чего уполномоченные подписали настоящий Протокол. Учинено в Женеве в одном экземпляре семнадцатого июня тысяча девятьсот двадцать пятого года» [44].

В очередной раз особую позицию заняли Соединенные Штаты. За несколько лет до этого США активно ратовали за принятие Вашингтонского договора, он был даже одобрен Сенатом. Однако из-за нежелания Франции увязывать химическое оружие с подводной войной, запрет в силу не вступил. Теперь же в Конгрессе активизировалось промышленное лобби, в первую очередь от химической промышленности, а законодатели прониклись убежде-

нием, что химическое оружие чрезвычайно важно для национальной безопасности и отказались накладывать на него какие-либо ограничения. Сенат Женевский протокол не ратифицировал [45]. Также отказалась ратифицировать протокол Япония.

СССР присоединился к Женевскому протоколу в 1928 г., но с двумя оговорками – с обязательством не применять химическое оружие первым, но с официальным правом на ответное применение. Кроме того, СССР брал на себя обязательства о неприменении только в отношении тех стран, которые протокол подписали и ратифицировали или к нему окончательно присоединились.

«ПРОТОКОЛ. (Париж, 5 апреля 1928 года) Посол Союза Советских Социалистических Республик в Париже прибыл сего числа в Министерство иностранных дел Французской Республики и сдал на хранение грамоту ратификации Центральным Исполнительным Комитетом Союза Советских Социалистических Республик Протокола относи-

тельно запрещения применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, подписанного в Женеве 17 июня 1925 года, сделав нижеследующие оговорки:

1) что названный Протокол обязывает Правительство Союза Советских Социалистических Республик только по отношению к государствам, которые его подписали и ратифицировали или к нему окончательно присоединились;

2) что названный Протокол перестанет быть обязательным для Правительства Союза Советских Социалистических Республик в отношении всякого неприятельского государства, вооруженные силы которого, а также формальные или фактические союзники которого не будут считаться с восприятием, составляющим предмет этого Протокола.

Указанная грамота была предъявлена и будучи, по ознакомлении, найдена в добром порядке и надлежащей форме, была вверена Правительству Французской Республики для оставления на хранение в его архивах.

Заверенная копия настоящего Протокола будет сообщена Договаривающимся державам.

В удостоверение чего нижеподписавшие составили настоящий Протокол, к которому они приложили свои печати.

Учинен в Париже 5 апреля 1928 года. (Подписи)» [46].

Точно так же поступили и многие другие страны мира, оговорив право на ответное применение или на применение против стран, не присоединившихся к протоколу. США ратифицировали Женевский протокол только 27 января 1975 г. [17].

Заключение

Конвенции, декларации и протоколы конца XIX – начала XX в. были первыми попытками ограничения химического вооружения. Однако все эти международно-правовые документы обладали рядом общих свойств, которые делали их неработоспособными ни в качестве средства предотвращения, ни как инструмент пресечения (рисунки 3, 4).

Они не носили всеобъемлющего характера. Ограничения затрагивали только применение химического оружия. Все остальное – поиск и синтез новых пригодных для боевого применения ОВ, создание новых боеприпасов и средств и систем их доставки, накопление, хранение, испытания, передача – нет. Таким образом, они создавали легальные условия для любых химических программ, пусть и заявленных как оборонительные, в тех масштабах, которые считались необходимыми для купирования возможных угроз, и которые позволяли наука и промышленность.

В первую очередь это происходило потому,

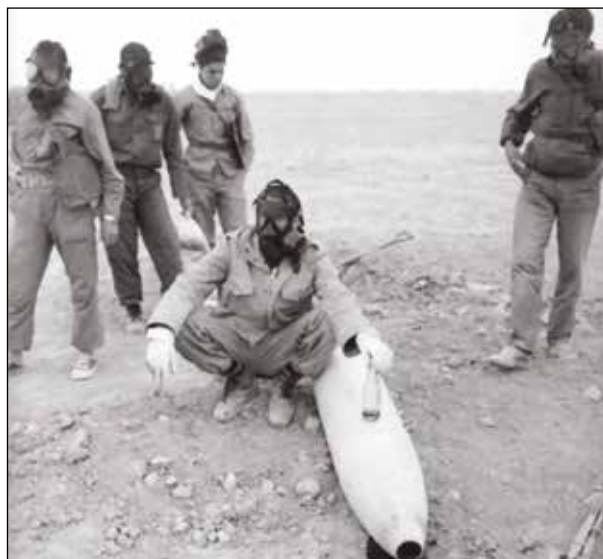

Рисунок 6 — Инспекция на месте разрыва химических боеприпасов. Иран, 1980-е гг. [55]

что страны, присоединившиеся ко всем этим международно-правовым документам, толковали их в той степени, в какой они могли быть использованы против них. При этом полностью отказываться от оружия, доказавшего свою эффективность, никто всерьез не собирался.

Кроме того, многие токсичные химикаты, а также прекурсоры для их производства, были продукцией двойного назначения, которые находили широкое применение в промышленных, сельскохозяйственных, исследовательских, медицинских, фармацевтических и иных мирных целях. Любые договоренности, ставившие под угрозу развитие химической промышленности как таковой, были обречены либо на срыв, либо на неисполнение. Это обстоятельство сильно осложнило бы любой контроль, особенно при необходимости соблюдения коммерческой тайны. Никаких решений этой проблемы тогдашнее международное право не предлагало.

Гаагские конвенции и протокол 1899 г. увязывали их выполнение с участием в договоренностях. Выполнение Женевского протокола 1925 г. также зависело от входящих обстоятельств и не носило безусловного характера.

Не было выработано эффективных способов пресечения уже зафиксированных нарушений. Их не возникло даже в 1980-е гг. Наглядным тому примером служит программа химического вооружения Ирака 1970–1980-х гг. (рисунки 5, 6). Оборудование и химикаты для заводов по производству химического оружия иракцы закупали легально за границей, в основном в странах Западной Европы¹⁷. Никаких собственных технологий син-

¹⁷ Когда иракцы закупали за рубежом все, кроме конечного продукта, чистота производимых ими ОВ (в частности, составлявшего основу иракского химического арсенала сернистого иприта из импортного тиодигликоля) составляла свыше 90 %. Как только они пытались с целью снижения зависимости от зарубежных по-

теза ОВ иракцы тоже не создавали, пользуясь открытыми источниками данных и доступными коммерческими технологиями. Когда в ходе ирано-иракской войны иракские войска широко применяли против иранских войск и гражданского населения иприт, табун и зарин¹⁸, Совет Безопасности ООН, хотя и смог достаточно оперативно зафиксировать факты многочисленных нарушений Женевского протокола 1925 г., в качестве меры воздействия мог только принимать осуждающие резолюции, которые на Ирак не действовали никак. При этом ЦРУ США признавало, что никаких эффективных мер воздействия на Ирак нет. *«Мы полагаем, что Ирак достиг значительного прогресса в своей программе химического вооружения, чтобы быть относительно нечувствительным к внешнему давлению. Усилия США по введению эмбарго на поставки западного оборудования и прекурсоров замедлят программу иракского химического вооружения, и она будет обходиться ему дороже, но в целом иракских успехов это, скорее всего, не остановит. Большая часть производственного оборудования находится на месте. Ирак использует многочисленные подставные компании и дружественные арабские государства, чтобы обойти западное эмбарго на поставки прекурсоров. Более того, если западное эмбарго окажется эффективным и Ирак лишит-*

ся возможности производить закупки в Западной Европе, мы полагаем, что иракцы смогут, и небезуспешно, снова обратиться к Советскому Союзу и странам Восточной Европы, и закупать у них все, кроме конечного продукта»[49].

Не была обеспечена неотвратимость наказания. Прямое требование наказания нарушителей запрета предусматривалось только Страсбургским соглашением от 1675 г. Все остальные международно-правовые документы, по сути, ставили этот вопрос в зависимость от национального законодательства государств-участников и его исполнения. Правда, после Первой мировой войны, в 1919 г., государства-победители попытались на международном уровне урегулировать порядок привлечения к уголовной ответственности за военные преступления путем придания виновных лиц суду международных трибуналов. В число преступлений, за которые предполагалось судить представителей «стран-агрессоров»¹⁹, в том числе кайзера Германии Вильгельма II Гогенцоллерна (Wilhelm II, 1859–1941), было включено также использование отравляющих газов как умышленное нарушение законов и обычаев войны. Версальский мирный договор между Германией и 27 союзными и ассоциированными державами от 28.06.1919 г. содержал соответствующие обязательства сторон (ст. 227, 228)²⁰. Однако реализованы эти обязательства не были, а

ставок производить все прекурсоры сами, чистота ОВ резко падала (чистота иракского табуна, произведенного в промышленных условиях, составляла 50–60 %, зарина – около 40–60 %) [47].

¹⁸ В период с 1981 по 1991 г. в рамках программы создания химического оружия было произведено примерно 3850 т ОВ — иприта, табуна, зарина и VX. Из общего количества произведенных ОВ примерно 3300 т были использованы для снаряжения разного рода авиационных бомб, артиллерийских снарядов и ракетных боеголовок. В период с 1981 по 1991 г. Ирак снарядил ОВ около 130 тыс. боеприпасов. Из них, по заявлениям Ирака, в период с 1981 по 1988 г. в боевых действиях была использована 101 тыс. боеприпасов [48]. Считается, что около 5 % от общих иранских потерь в ирано-иракской войне непосредственно связаны с воздействием ОВ. За годы войны имели место около 387 химических атак. Жертвами химического оружия стали около 100 тыс. иранских солдат, а также большое количество гражданского населения. В результате применения нервно-паралитических ОВ погибли около 20 тыс. иранских солдат. При этом использование химического оружия в ирано-иракской войне в обвинительные заключения в ходе судебных процессов в 2004 г. над членами иракского руководства, в том числе над Саддамом Хусейном, не вошло.

¹⁹ Агрессорами, ответственными за начало войны, объявила Германию, Австрию, Турцию и Болгарию специальная Комиссия для рассмотрения вопросов об ответственности инициаторов войны, учрежденная в январе 1919 г. на встрече глав правительств и министров иностранных дел Великобритании, США, Италии, Франции и Японии. Это и предъявили Германии в Версале. Представители Германии возражали против такой постановки вопроса и их возражения приняты во внимание не были.

²⁰ «Часть VII. Санкции.

Статья 227. Союзные и Объединившиеся державы предъявляют Вильгельму II Гогенцоллерну, бывшему Германскому Императору, публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров. Специальный суд будет образован, чтобы судить обвиняемого, обеспечив ему существенные гарантии права защиты. Он будет состоять из пяти судей, назначенных каждой из пяти следующих держав, а именно: Соединенными Штатами Америки, Великобританией, Францией, Италией и Японией. Суд будет судить по мотивам, внутренним высшим принципам международной политики, и в заботе об обеспечении уважения к торжественным обязательствам и международным обязательствам, а также к международной морали. Ему будет надлежать определить наказание, которое по его суждению должно быть применено. Союзные и Объединившиеся державы обратятся к Правительству Нидерландов с просьбой о выдаче бывшего Императора в их руки для того, чтобы он был судим.

Статья 228. Германское Правительство признает за Союзными и Объединившимися державами право привлечения к их военным судам лиц, обвиняемых в совершении действий, противных законам и обычаям войны. Предусмотренные законами наказания будут применены к лицам, признанным виновными. Это постановление будет применяться независимо от всяких процессов или преследований в суде Германии или ее союзников.

громкая идея международного трибунала над военными преступниками кончилась судебным процессом в Имперском суде в Лейпциге, который смог признать виновными всего шесть человек (из 896 человек и 837 дел) [50]. Себя победители судить не собирались.

«История доказывает нам, что успешно действующее оружие никогда не отвергалось до тех пор, пока оно не становилось устаревшим... Следует вспомнить, что ни одно могущественное боевое средство никогда не оставалось без применения, раз была доказана его сила... Употребление ОВ нельзя приостановить каким-либо соглашением, потому что, если путем соглашения можно было бы приостановить употребление какого-либо могущественного оружия войны, то и всю войну можно было бы предотвратить соглашением» [18, 51]. Химическое оружие не оправдало первоначально возлагавшихся на него надежд – не смогло в Первую мировую решить проблему позиционного тупика. Но в качестве оружия боевого применения на тактическом и оперативно-тактическом уровне оно

оказалось вполне эффективным. И как показало дальнейшее развитие событий, к 20-м гг. XX в. оно отнюдь не исчерпало потенциала своего развития. Первая мировая война сформировала отношение к «газам», как к обычному оружию боевого применения. Оно считалось перспективным на будущее. На страницах зарубежной и советской печати специалисты открыто обсуждали различные вопросы «газовой войны» как в части обороны, так и в части нападения. Спорили о том, какие ОВ более удобны для применения в качестве боевых, для какой ситуации какие ОВ годятся лучше всего, разрабатывали вопросы тактики применения «газов» родами войск. Рассматривались проблемы защиты от ОВ как армий, так и гражданского населения. Химики занимались поиском новых ОВ – более токсичных и удобных в применении. Промышленность решала вопросы производства и хранения. Эта «химическая гонка вооружений» была совершенно законной с точки зрения тогдашнего международного права – готовиться к войне никакой закон не запрещал.

Германское Правительство должно будет выдать Союзным и Объединившимся державам или той из них, которая к нему обратится с просьбой о том, всяких лиц, которые, будучи обвинены в совершении действий, противных законам и обычаям войны, были бы указаны либо поименно, либо по чину, обязанности или должности, присвоенным этим лицам Германским Правительством» [36].

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает свою глубочайшую признательность Михаилу Васильевичу Супотницкому, главному специалисту ФГБУ «27 Научный центр» Министерства обороны Российской Федерации за чрезвычайно полезные советы и ценные замечания, высказанные в ходе обсуждения настоящей статьи.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет, что исследования проводились при отсутствии любых научных, коммерческих или финансовых отношений, которые могли бы быть истолкованы как потенциальный конфликт интересов.

Сведения о рецензировании

Статья прошла открытое рецензирование двумя рецензентами, специалистами в данной области. Рецензии находятся в редакции журнала.

Список источников

1. Johnson N.H., Larsen J.C., Meek E. Historical perspective of chemical warfare agents // Handbook of toxicology of chemical warfare agents / Ed. R. Gupta. Second Ed. Cambridge, Mass.: Academic Press, 2015. P. 7–15.
2. Bajgar J., Fusek J., Kassa J., Kuca K., Jun D. Global impact of chemical warfare agents used before and after 1945 // Handbook of toxicology of chemical warfare agents / Ed. R. Gupta. Second Ed. Cambridge, Mass.: Academic Press, 2015. P. 17–25.
3. Hilmas C.J., Smart J.K., Hill B.A. History of chemical warfare // Medical aspects of chemical warfare. Textbooks of military medicine / Ed. Lenhart M.K.

Washington DC, 2008. P. 9–76.

4. Coleman K. A history of chemical warfare. New York: MacMillan, 2005. 198 p.

5. Zanders J.P. International norms against chemical and biological warfare: an ambiguous legacy // J. Conflict & Security Law. 2003. V. 8, № 2. P. 391–410.

6. Raičević N. The history of prohibition of the use of chemical weapons in international humanitarian law // Facta Universitatis. Series: Law and Politics. 2001. V. 1, № 5. P. 613–631.

7. Instructions for the government of armies of the United States in the field. Prepared by Francis Lieber LL.

- Washington DC: Government Printing Office, 1898. 51 p.
8. Мартенс Ф. Восточная война и Брюссельская конференция 1874–1878 г. СПб. 1879. 596 с., с прил. (46 с.).
9. Project of an international declaration concerning the laws and customs of war. Brussels, 27 August 1874. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/Treaty.xsp?action=openDocument&documentId=42F78058BABF9C51C12563CD002D6659>, <https://www.legal-tools.org/doc/af7da3/pdf>.
10. Капто А.С. Правовойны // Право и политика. 2001. № 1. С. 4–11. URL: <http://alternathistory.com/pravo-voiny>.
11. Текст декларации об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль. URL: <http://old.memo.ru/prawo/hum/spb-1868.htm/>
12. The laws of war on land, manual published by the Institute of International Law (Oxford manual), adopted by the Institute of International Law at Oxford, September 9, 1880. URL: <http://humanrts.umn.edu/instree/1880a.htm>.
13. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге / Рыбаченок И.С. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 392 с.
14. Convention with respect to the laws and customs of war on land (Hague, II) (29 July 1899). URL: http://avalon.law.yale.edu/19th_century/hague02.asp.
15. Texts of the peace conferences at the Hague, 1899 and 1907. With English translation and appendix of related documents / Ed., with an introduction, Scott J.B. Boston–London, 1908. P. 81–83.
16. Kelly J.B. Gas warfare in international law // *Military Law Review*. July 1960. P. 1–67.
17. Bunn G. Banning poison gas and Germ warfare: should the United States agree? // *Wisconsin Law Review*. 1969. V. 375. P. 375–420.
18. Fries A., West C. Chemical warfare. New-York, London. 1921. 445 p. (Фрайс А., Вест К. Химическая война. М., 1923. 506 с.).
19. Memorandum from Sir J. Fisher to the Marquess of Salisbury, July 20, 1899, upon the question of asphyxiating gases. Цит. по: Roberts A.A. The poison war. London: William Heinemann, 1915. 143 p.
20. The proceeding of the Hague peace conferences. Translation of the official texts. The conference of 1899. New-York, 1920. 883 p.
21. Травиничев А., Томашевич А. Опыт подводной войны 1914–1918 г. М., 1931. 181 с.
22. Гибсон Р., Прендергаст М. Германская подводная война 1914–1918 гг. Пер. с англ. М., 1935. 464 с.
23. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 18 октября 1907 года. 18-10-1907. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm>.
24. The proceedings of the Hague peace conferences. Translation of the official texts. The conference of 1907. Volume I. Plenary meetings of the Conference. New-York, 1921. 703 p.
25. The proceedings of the Hague peace conferences. Translation of the official texts. The conference of 1907. Volume II. Meetings of the first commission. New-York, 1921. 1086 p.
26. The proceedings of the Hague peace conferences. Translation of the official texts. The conference of 1907. Volume III. Meetings of the second, third and fourth commissions. New-York, 1921. 1162 p.
27. Военные обычаи в сухопутной войне. Составлено германским генеральным штабом в 1902 году. Перевел с немецкого Генерального штаба полковник Михельсон. Издание Военно-статистического отдела Главного Штаба. СПб., 1904. 76 с.
28. Удушливые газы и способы борьбы с ними. 3-е изд. М., 1916. 19 с.
29. Кап. Гейер. Химическая война (из сборника под редакцией Шварте: Великая война 1914–1918 гг.). М.: ГВИ, 1924. 81 с.
30. Дзержкович А. К вопросу о гуманности химической войны // Техника и снабжение Красной Армии. Артиллерийское дело. 1923. № 44-45, 1 окт. С. 1–7.
31. Фишман Я. Газовая война. М., 1924. С. 36–43.
32. Де-Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914–1918 гг.: Краткий исторический очерк / науч. ред. и коммент. М.В. Супотницкого. М., 2008. URL: http://www.supotnitskiy.ru/book/book5_kommentarii1_10.htm.
33. Farrow E.S. Gas Warfare. New-York, 1920. 253 p.
34. Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М.: ЦСУ СССР, военно-статистический отдел, 1925. 104 с.
35. Тирпиц Альфред фон. Воспоминания. М.: Вече, 2014. 447 с.
36. Версальский мирный договор. Полн. пер. с франц. подл. М., 1925. 197 с.
37. Smart J.K., Al Mauroni, Hill B.A., Kok L.B. History of the chemical threat, chemical terrorism, and its implications for military medicine // *Medical aspects of chemical warfare*. 2008. P. 115–153.
38. Treaty of peace between the Allied and Associated Powers and Austria; protocol, declaration and special declaration (St. Germain-en-Laye, 10 September 1919). URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/1920/3.html>.
39. Treaty of peace between the Allied and Associated Powers and Hungary and protocol and declaration, signed at Trianon June 4, 1920. URL: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Part_V_-_VIII.
40. Treaty of peace between the Allied and Associated Powers and Bulgaria, and protocol and declaration signed at Neuilly-sur-Seine, 27 November 1919. URL: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Treaty_of_Neuilly.
41. Treaty relating to the use of submarines and noxious gases in warfare. Washington, 6 February 1922. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/Treaty.xsp?action=openDocument&documentId=7F0E4920E26AB9C2C12563CD002D6907>.
42. The problem of chemical and biological warfare, Volume III: CBW and the law of war. SIPRI. 1973. 194 p.
43. Zanders J.P. The CWC in the context of the 1925 Geneva debates // *The Nonproliferation Review* / Spring–Summer 1996. P. 38–45.
44. Протокол о запрещении применения на

войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, 17 июня 1925 года. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/protocol-gases-170625.htm>.

45. Brown F.J. Chemical warfare. A study in restraints. Princeton legacy library, 2015. 375 p.

46. Декларация о присоединении СССР к Протоколу о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, подписанному в Женеве 17 июня 1925 г. URL: <http://www.lawmix.ru/abro.php?id=1697>.

47. United Nations monitoring, verification and inspection commission (UNMOVIC). Compendium of Iraq's proscribed weapons programmes in the chemical, biological and missile areas. June 2007. Part III. 343 p.

48. Двадцать пятый ежеквартальный доклад о деятельности Комиссии Организации Объединенных Наций по наблюдению, контролю и инспекциям, представляемый в соответствии с пунктом 12 резолюции 1284 (1999) Совета Безопасности. 30 мая 2006 г. S/2006/342. 17 с.

49. The Iraqi chemical weapons program in perspective. An intelligence assessment. January 1985, iii. CIA-RDP90T01298R000300670001-8.

50. Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Исторические и международно-правовые предпосылки формирования современной системы международной уголовной юстиции // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 2. С. 3–15.

51. Жигур Я.М. Химическое оружие в современной войне. М., 1936. 175 с.

52. Spiers E.M. Chemical warfare. University of Illinois Press Urbana and Chicago, 1986. 277 p.

53. McCamley N.J. Secret history of chemical warfare. 2006.

54. Jones S. World War 1 gas warfare tactics and equipment.

55. Анджоман-э хэмайят аз горбаниан-э сәллаһа-йе шимийайи, Тэһран, Иран («Общество поддержки жертв химического оружия», Тегеран, Иран) (на перс. языке). URL: <http://www.scwvs.org/index.php/fa/>.

Об авторе

Федеральное государственное бюджетное учреждение «27 Научный центр» Министерства обороны Российской Федерации. 105005, Российская Федерация, г. Москва, Бригадирский переулок, д. 13.

Шило Наталья Игоревна. Младший научный сотрудник, научный редактор.

Адрес для переписки: Шило Наталья Игоревна; 27nc@mil.ru.

First Attempts to Ban Chemical Weapons

N.I. Shilo

*Federal State Budgetary Establishment
«27 Scientific Centre» of the Ministry of Defence of
the Russian Federation, Brigadirskii Lane 13, Moscow 105005, Russian Federation*

First attempts to ban chemical weapons (CW) as a method of warfare have been made since the second half of the XIX century. At the beginning of the XX century, several legal documents – declarations, protocols and conventions, forbidding the use of poisons, poisonous weapons, poisonous and asphyxiating gases and means of their delivery, have been adopted at the international level. But all these documents, including the Hague Conventions of 1899 and 1907 and the 1925 Geneva Protocol, turned out to be useless and ineffective as a means of deterrence. They could prevent neither large-scale use of CW in World War I, nor their further development. Instead of the assistance to the prohibition of CW, in fact they assisted their legalization and further arms race. The article is dedicated to the history of first efforts to ban CW by international treaties. It describes in details the circumstances of the elaboration of these declarations, protocols and conventions in connection with other general security problems, their further adoption or breakdown. Special attention is paid to the attitude towards CW at the beginning of the XX century and their use as a means of pressure and propaganda.

Keywords: *Hague Conventions 1899 and 1907; Geneva Protocol 1925; laws and customs of war; convention; international law; poisonous agents; toxic chemical; First World War; destruction; chemical weapons.*

For citation: *Shilo N.I. First Attempts to Ban Chemical Weapons // Journal of NBC Protection Corps. 2018. V. 2. № 1. P. 48–69.*

ACKNOWLEDGEMENTS:

The author offers her sincere thanks and deep gratitude to Mikhail Vasilievich Supotnitskiy, the Chief Specialist and Senior Researcher of the Federal State Budgetary Establishment «27 Scientific Centre» of the Ministry of Defence of the Russian Federation for his astute counsel and invaluable advice during the preparation of this article.

Conflict of interest statement

The authors declare that the research was conducted in the absence of any commercial or financial relationship that could be construed as a potential conflict of interest.

Peer review information

The article has been peer reviewed by two experts in the respective field. Peer reviews are available from the Editorial Board.

References

1. Johnson N.H., Larsen J.C., Meek E. Historical perspective of chemical warfare agents // Handbook of toxicology of chemical warfare agents / Ed. Gupta R.. Second Ed. Cambridge, Mass.: Academic Press, 2015. P. 7–15.
2. Bajgar J., Fusek J., Kassa J., Kuca K., Jun D. Global impact of chemical warfare agents used before and after 1945 // Handbook of toxicology of chemical warfare agents / Ed. Gupta R. Second Ed. Cambridge, Mass.: Academic Press, 2015. P. 17–25.
3. Hilmas C.J., Smart J.K., Hill B.A. History of chemical warfare // Medical aspects of chemical warfare. Textbooks of military medicine / Ed. Lenhart M.K. Washington DC, 2008. P. 9–76.
4. Coleman K. A history of chemical warfare. New York: MacMillan, 2005. 198 p.
5. Zanders J.P. International norms against chemical and biological warfare: an ambiguous legacy // J. Conflict & Security Law. 2003. V. 8, № 2. P. 391–410.
6. Raičević N. The history of prohibition of the use of chemical weapons in international humanitarian law // Facta Universitatis. Series: Law and Politics. 2001. V. 1, № 5. P. 613–631.
7. Instructions for the government of armies of the United States in the field. Prepared by Francis Lieber LL. Washington DC: Government Printing Office, 1898. 51 p.
8. Martens F. The Eastern war and the Brussels conference 1874–1878. St. Petersburg, 1879. 596 p., with att. (46 p.) (in Russian).
9. Project of an international declaration concerning the laws and customs of war. Brussels, 27 August 1874. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/Treaty.xsp?action=openDocument&documentId=42F78058BABF9C51C12563CD002D6659>, <https://www.legal-tools.org/doc/af7da3/pdf/>.
10. Kapto A.S. Law of war // Law and Politics. 2001. № 1. P. 4–11. URL: <http://alternathistory.com/pravo-voiny> (in Russian).
11. Declaration renouncing the use, in time of war, of explosive projectiles under 400 grammes weight. Saint Petersburg, 29 November / 11 December 1868. URL: <http://old.memo.ru/prawo/hum/spb-1868.htm/> (in Russian).
12. The laws of war on land, manual published by the Institute of International Law (Oxford manual), adopted by the Institute of International Law at Oxford, September 9, 1880. URL: <http://humanrts.umn.edu/instree/1880a.htm>.
13. Rybachenok I.S. Russia and the first Hague peace conference of 1890. Moscow: Russian Political Encyclopaedia (ROSSPEN), 2005. 392 p. (in Russian).
14. Convention with respect to the laws and customs of war on land (Hague, II) (29 July 1899). URL: http://avalon.law.yale.edu/19th_century/hague02.asp.
15. Texts of the peace conferences at the Hague, 1899 and 1907. With English translation and appendix of related documents / Ed., with an introduction, Scott J.B.. Boston–London, 1908. P. 81–83.
16. Kelly J.B. Gas warfare in international law // Military Law Review. July 1960. P. 1–67.
17. Bunn G. Banning poison gas and Germ warfare: should the United States agree? // Wisconsin Law Review. 1969. V. 375. P. 375–420.
18. Fries A., West C. Chemical warfare. New-York, London. 1921. 445 p. (Фрайс А., Вест К. Химическая война. М., 1923. 506 с.).
19. Memorandum from Sir J. Fisher to the Marquess of Salisbury, July 20, 1899, upon the question of asphyxiating gases. Цит. по: Roberts A.A. The poison war. London: William Heinemann, 1915. 143 p.
20. The proceeding of the Hague peace conferences. Translation of the official texts. The conference of 1899. New-York, 1920. 883 p.
21. Travnichev A., Tomashevich A. Submarine war experience 1914–1918 г. Moscow, 1931. 181 p. (in Russian).
22. Gibson P., Prendergast M. The German submarine war 1914–1918. Transl. from Engl. Moscow, 1935. 464 p. (in Russian).
23. Convention with respect to the laws and customs of war on land, October 18, 1907. 18-10-1907. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/hagueconvention-iv-181007.htm> (in Russian).
24. The proceedings of the Hague peace conferences. Translation of the official texts. The conference of 1907. Volume I. Plenary meetings of the Conference. New-York, 1921. 703 p.
25. The proceedings of the Hague peace conferences. Translation of the official texts. The conference of 1907. Volume II. Meetings of the first commission. New-York, 1921. 1086 p.
26. The proceedings of the Hague peace conferences.

Translation of the official texts. The conference of 1907. Volume III. Meetings of the second, third and fourth commissions. New-York, 1921. 1162 p.

27. Laws and customs of land warfare. Edited by the German Great General Staff, 1902. Transl. from Germ. Colonel (GS) Michelson. St. Petersburg, 1904. 76 p. (in Russian).

28. Asphyxiating gases. 3 edition. Moscow, 1916. 19 c. (in Russian).

29. Cap. Geyer. Chemical warfare (from: The Great War 1914–1918. Ed. Schwarte). Moscow: GVI, 1924. 81 p. (in Russian).

30. Dzerzhkovich A. The humanity of gas warfare // Techniques and Logistics of the Red Army. The Artillery Affairs. 1923. № 44–45, Oct. 1. P. 1–7 (in Russian).

31. Fishman Ya. M. Gas warfare. Moscow, 1924. P. 36–43 (in Russian).

32. De-Lazari A.N. Chemical weapons on the fronts of the World War 1914–1918: A brief historical essay / Sci. Ed Supotnitskiy M.V. Moscow, 2008. URL: http://www.supotnitskiy.ru/book/book5_kommentarii_10.htm (in Russian).

33. Farrow E.S. Gas Warfare. New-York, 1920. 253 p.

34. Russia in World War 1914–1918 (in figures). Moscow, 1925 (in Russian).

35. Tirpitz Alfred von. My memoirs. Moscow: Veche, 2014. 447 p. (in Russian).

36. Treaty of peace with Germany (treaty of Versailles). Transl. from French orig. Moscow, 1925. 197 p. (in Russian).

37. Smart J.K., Al Mauroni, Hill B.A., Kok L.B. History of the chemical threat, chemical terrorism, and its implications for military medicine // Medical aspects of chemical warfare. 2008. P. 115–153.

38. Treaty of peace between the Allied and Associated Powers and Austria; protocol, declaration and special declaration (St. Germain-en-Laye, 10 September 1919). URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/1920/3.html>.

39. Treaty of peace between the Allied and Associated Powers and Hungary and protocol and declaration, signed at Trianon June 4, 1920. URL: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Part_V_-_VIII.

40. Treaty of peace between the Allied and Associated Powers and Bulgaria, and protocol and declaration signed at Neuilly-sur-Seine, 27 November 1919. URL: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Treaty_of_Neuilly.

41. Treaty relating to the use of submarines and noxious gases in warfare. Washington, 6 February 1922.

URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/Treaty.xsp?action=openDocument&documentId=7F0E4920E26AB9C2C12563CD002D6907>.

42. The problem of chemical and biological warfare, Volume III: CBW and the law of war. SIPRI. 1973. 194 p.

43. Zanders J.P. The CWC in the context of the 1925 Geneva debates // The Nonproliferation Review / Spring–Summer 1996. P. 38–45.

44. Protocol for the prohibition of the use in war of asphyxiating, poisonous or other gases, and of bacteriological methods of warfare. June 17, 1925. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/protocol-gases-170625.htm> (in Russian).

45. Brown F.J. Chemical warfare. A study in restraints. Princeton legacy library, 2015. 375 p.

46. Declaration of the accession of the USSR to the Protocol for the prohibition of the use in war of asphyxiating, poisonous or other gases, and of bacteriological methods of warfare, signed in Geneva June 17, 1925. URL: <http://www.lawmix.ru/abro.php?id=1697> (in Russian).

47. United Nations monitoring, verification and inspection commission (UNMOVIC). Compendium of Iraq's proscribed weapons programmes in the chemical, biological and missile areas. June 2007. Part III. 343 p.

48. Twenty-fifth quarterly report on the activities of the United Nations Monitoring, Verification and Inspection Commission in accordance with paragraph 12 of Security Council resolution 1284 (1999). 30 May 2006. S/2006/342. 17 c. (in Russian).

49. The Iraqi chemical weapons program in perspective. An intelligence assessment. January 1985, iii. CIA-RDP90T01298R000300670001-8.

50. Volevodz A.G., Volevodz V.A. Historical and legal background to the formation of modern system of international criminal justice // International criminal law and international justice. 2008. № 2. P. 3–15 (in Russian).

51. Zhigur Ya.M. Chemical weapons in modern warfare. Moscow, 1936. 175 p. (in Russian).

52. Spiers E.M. Chemical warfare. University of Illinois Press Urbana and Chicago, 1986. 277 p.

53. McCamley N.J. Secret history of chemical warfare. 2006.

54. Jones S. World War 1 gas warfare tactics and equipment.

55. Society for chemical victims support. Tehran, Iran. URL: <http://www.scwvs.org/index.php/fa/> (in Persian).

Authors

Federal State Budgetary Establishment «27 Scientific Centre» of the Ministry of Defence of the Russian Federation. Brigadirskii Lane 13, Moscow 105005, Russian Federation.

Shilo N.I. Junior Researcher, Scientific Editor.

Address: Shilo Natalya Igorevna; 27nc@mil.ru.